

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХДУ.
Інв. №

Пятница, 25-го декабря 1909 года.

Иллюстрированное прибавление къ № 9874.

ФЕЯ.

(Рождественская сказка).

Не однѣ только птицы улетаютъ зимой въ теплые страны. Улетаютъ вмѣстѣ съ ними лѣсные и полевые духи, невидимые людямъ.

Легкіе, воздушные, они неустанно носятся лѣтомъ и весной съ цвѣтка на цвѣтокъ, съ дерева на дерево, и, куда прилетятъ они, тамъ ярче кажется зелень, сильнѣе благоухаютъ цвѣты... А къ осени духи улетаютъ...

**

Наступала осень. Падали пожелтѣвшіе листья старой, запущенной рощи, гибла въ полѣ высохшая трава. Небо все чаще покрывалось тучами. И духи рощи рѣшили, что пора имъ на югъ. Они собрались на полянѣ и уже были готовы взмахнуть крыльями, когда замѣтили, что среди нихъ нѣтъ одной Феи, самой нѣжной и самой красивой...

— Гдѣ она?—спрашивали духи озабоченно другъ друга, надо позвать ее... Уже пора...

— Мы ее звали—отвѣчали подруги Феи.—Она не хочетъ улетать; она говоритъ, что не можетъ разстаться со своей елочкой, которую слишкомъ любить...

— Но, вѣдь, она застынетъ тутъ и будетъ совсѣмъ одна...

— Мы говорили ей и это... Она все таки хочетъ остаться.

— Позовемъ ее еще разъ, рѣшили духи и полетѣли къ небольшой, стройной елочкѣ, на вѣткѣ которой, нѣжно прижалась къ дереву, сидѣла юная Фея.

— Летимъ съ нами! крикнули Феи духи... Скорѣе...

— Нѣтъ, нѣтъ... Я не могу оставить свою елочку, отвѣчала она.

И прибавила: Мнѣ грустно разставаться съ вами, но нельзя разстаться съ елочкой. Счастливый путь! Не упрашивайте больше, прощайте! Счастливый путь! И духи поняли по ея взгляду, что она останется...

— Прощай! крикнулъ предводитель ихъ, поднимаясь въ воздухъ.—Прошай! до весны.

— Прошай! повторили другіе, поднимаясь вслѣдъ за нимъ.

— Прощайте! прошептала Фея, еще нѣжнѣе и крѣпче прижимаясь къ своей елочкѣ...

Она всей душой любила деревцо, и елочка любила ее. Правда, деревцо не могло говорить, но зато какъ оно ласкало маленькую Фею, какъ нѣжно баюкало ее, укачивая на своихъ вѣткахъ...

Все лѣто онѣ почти не разлучались, а теперь остались вдвоемъ, совсѣмъ вдвоемъ... Впрочемъ, онѣ не скучали. Фея рассказывала елочкѣ чудныя сказки, елочка

Мадонна и Христосъ младенецъ.

Картина Джованни Беллині (Глава старинной венецианской школы. 142 — 1516). Эта картина пріобрѣтена городскимъ музеемъ въ Нью-Йоркѣ.

тихо баюкала Фею, и дни проходили у нихъ незамѣтно.

Но осень не шутила. Все ненастнѣе и хмурѣе становилось небо; все холоднѣе дѣлался вѣтеръ, и даже морозъ начинать погуливать около рощи, леденя ее своимъ суровымъ дыханіемъ.

Фея начала зябнуть.

Улетѣли послѣднія птички.

— Хочешь, возьмемъ тебя съ собою? предлагали онѣ Феѣ. Смотри, какъ холодно сейчасъ, а послѣ будетъ еще холоднѣе. Плохо будетъ тебѣ, а тамъ, куда мы летимъ, тепло, весело, тамъ твои подруги. Пройдетъ осень и зима, весной мы принесемъ тебя назадъ къ твоей елочкѣ, и ты снова будешь съ ней...

Полетимъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала Фея.

Елочка неодобрительно шумѣла вѣтками, словно суждала рѣшеніе своего друга, но Фея обняла деревцо и прошептала...

— Я не могу безъ тебя, я люблю тебя... милая елочка...

И елочка стихла подъ этой лаской...

**

Стало еще холоднѣе... Запрятались въ норы звѣри, зайцы перемѣнили свои шубки, выпалъ первый снѣгъ и запушилъ елочку...

— Мнѣ холодно... Я стыну, шептала ей Фея, обнимая ее, я скоро засну и проснусь весною, а ты... ты, елочка, баюкай меня.

И Фея заснула на вѣткѣ, и снѣгъ покрылъ ее.

**

Но проснулась она не весной; ее разбудилъ веселый смѣхъ и говоръ. Было тепло и свѣтло. Елочка сіяла сотней огоньковъ, сверкавшихъ на каждой вѣткѣ, и вся была увѣшана красивыми, блестящими вещами...

Она стояла посреди большого зала, а кругомъ няя прыгали и шумѣли дѣти. Сколько было ихъ! И всѣ тянулись къ елочкѣ, всѣ улыбались ей...

— Милая елочка!—какъ хорошо, прошептала Фея... Какъ хорошо.

Но елочка только дрогнула въ отвѣтъ... Она умирала... Переставали двигаться по ея сосудамъ живительные соки, гибла красота убора... Все кончалось для срубленнаго деревца.

— Елочка! что съ тобою?—прошептала Фея, начиная догадываться объ ужасной правдѣ, и вдругъ поняла все и заплакала, роняя невидимыя, ароматныя слезы...

— За что? спрашивала она съ тоскою, за что погубили тебя?.. Что ты сдѣлала имъ?...

Но никто не слышалъ жалобъ Феи, никто не видѣлъ ея. Всѣ смеялись и шутили... Потомъ красавая женщина сѣла за фортепіано; полились мягкие звуки вальса, и маленькая пара закружились по комнатѣ около умирающей елочки. И подъ эти звуки дерево въ послѣдній разъ дрогнуло своими вѣтками, прощающими съ Феей.

Фея плакала. Ей было тяжело теперь глядѣть на дѣтей, ради чьего удовольствія погибъ ея лучшій другъ.

— Неужели никто изъ нихъ не понимаетъ?—думала она съ горечью...—Неужели никому нѣтъ дѣла до моей елочки?.. Безсердечные, жестокіе маленькие люди... Я не люблю васъ...

Но какъ разъ въ эту минуту къ елкѣ подошелъ худенькій мальчикъ съ задумчивыми, черными глазами; съ нимъ была его мать. Нѣкоторое время они молча глядѣли на дерево и, навѣрно, замѣтили бы Фею, если бы она не была невидимой.

— О чемъ ты задумался? — спросила мать мальчика,—ты думаешь о томъ, какую получишь игрушку? Скажи мнѣ, какая тебѣ нравится, ту я тебѣ и достану...

— Нѣтъ, мама, я думаю не объ игрушкѣ... Я думаю объ елочкѣ... Скажи, мама, она теперь умретъ? уже не будетъ больше расти?...

Елка для бедныхъ дѣтей.

— Конечно, нѣтъ...
— Минъ жаль ее, мама...
И онъ грустнымъ, грустнымъ взгля-
домъ окинуль елочку...

Сердце Феи дрогнуло...
— Милый, добрый,—прощептала она...
Ей стало легче... Она уже не чувствовала
себя столь одинокой, какъ прежде... Весь
вечеръ она слѣдила за мальчикомъ и
сквозь слезы улыбалась ему, заглушая
этимъ тоску по елочки. А когда вечеръ
кончился, тихо слѣтѣла ему на плечо...

— Ты добрый, добрый,—сказала она
ему тихо... Я люблю тебя... Елочка умер-
ла, мнѣ тяжело, но я пойду съ тобой, и
мнѣ будетъ легче... И я буду говорить
тебѣ сказки... хорошія, свѣтлые сказки...

— Мама, мама!—мнѣ хорошо, сказалъ
мальчикъ улыбаясь... Но почему хорошо,
онъ не могъ сказать. Онъ, вѣдь, не по-
нялъ, что собственно сказала Фея, и не
услышалъ ее, а только почувствовалъ ея
блізкость и ласку...

Только почувствовалъ.

* * *
А ночью, когда онъ спалъ, Фея раз-
сказала ему свою первую сказку о дале-

кой, счастливой странѣ, гдѣ были ея
подруги.

**

И она осталась съ нимъ и много сказ-
окъ разсказала ему. А онъ, когда вы-
росъ, пересказалъ ихъ людямъ...

И, если его спрашивали, какъ онъ на-
учился рассказывать такія хорошія сказ-
ки, отвѣчалъ...

— Я не знаю... Должно быть, меня за
что-нибудь любить Фея сказокъ...

П. Лозановъ.

ОДИНОЧЕСТВО.

РАЗСКАЗЪ.

Всѣ торопятся. Стараются поскорѣе
окончить заботы дня, чтобы этотъ ве-
черъ провести въ уютномъ кругу,
и подъ яркими огнями улыбнуться
искренне, чѣмъ всегда. Тепло, не по
декабрьски. И снѣгъ пушистый и лег-
кий лѣниво ложится подъ ноги и ти-
хо поскрипываетъ. Отъ этого снѣга

улица слегка туманиется, и смягчается
свѣтъ электричества. А встрѣчные лица,
возникающія въ свѣтѣ фонарей и
окнахъ магазиновъ, жмурятся отъ это-
го ласковаго снѣга, что ложится на
рѣсницы и волосы.

Звягинъ идетъ медленно и безцѣль-
но. Его томитъ непонятная грусть.
Ему одиноко, и такъ странно кажется,
что ему, у котораго такой обшир-
ный кругъ знакомыхъ, въ этотъ ве-
черъ некуда пойти. Грусть обострила
его черты, и его красивое лицо задум-
чиво и непривѣтливо. Поэтому встрѣч-
ные лица, скользнувъ по нему
взглядомъ, опускаютъ рѣсницы и спѣ-
шатъ мимо, испугавшись своего мгно-
веннаго вниманія.

Но одна дѣвушка въ котиковай
шапкѣ,стройная и темноволосая, по-
смотрѣла на него широко-открытымъ
взглядомъ и, пройдя мимо, обернулась. Звягинъ обернулся тоже и про-
свѣтлѣлъ.

— Лиза!—крикнулъ онъ. И протя-
нулъ руки.

Лиза улыбнулась ему, покраснѣла,

Рождественское утро.

У елки.

Елка священника-вдовца.

Чужой праздникъ.

годня тоска... Минъ кажется, что у ме-
ня нѣтъ никого близкаго, кому я могъ
бы сказать что-нибудь теплое, про-
стое и хорошее... Лиза, неужели вы
сердитесь?

Она шла, не замедляя шага. Ея хо-
рошенько лицо искаилось въ иро-
ническую гримасу.

— Удивительно. Откуда у васъ та-
кое одиночество? Вы такой счастли-
вый... Побѣдитель женскихъ сердецъ...

Звягину стало больно.

— Лиза, ради Бога, не говорите
такъ. Почему вы не хотите понять
меня? Неужели вы мнѣ врагъ? Боже
мой, я чувствую въ васъ такую враж-
ду. За что?

— Да, врагъ, злобно крикнула Ли-
за. Вы еще спрашиваете—за что? Вы
прекрасно знаете...

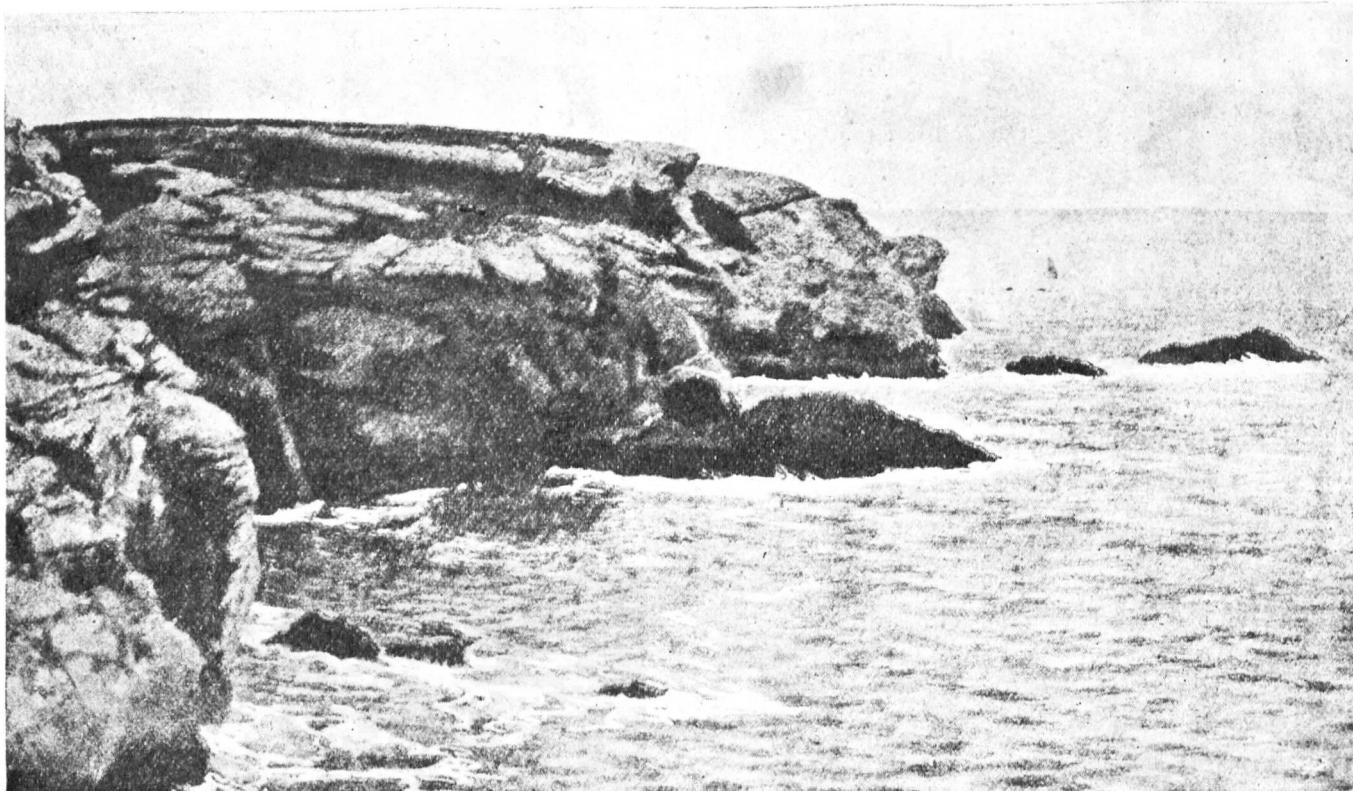
— Лиза, я васъ любилъ,—вырва-
лось у Звягина.

— Любили? иронически и удивлен-
но переспросила она.—Долго-ли? И
развѣ вы способны любить... Знаете,
что, Звягинъ, уходите. Прощайте. Минъ,
право, непрѣятно, что я васъ встрѣ-
тила.

Но Звягинъ шелъ рядомъ. Онъ не
могъ уйти. Тоска стѣснила ему грудь.

Почему онъ долженъ уйти? Вѣдь, онъ
любилъ эту дѣвушку, онъ отдалъ ей
столько души, столько яркихъ дней
и ласковыхъ восторговъ. Правда,
все это ушло, такъ хотѣла жизнь. Но,
вѣдь, онъ ее любилъ искренно, всѣмъ
сердцемъ. Развѣ онъ хотѣлъ ей зла?

Жизнь и судьба были сильнѣе ихъ.
— Лиза, развѣ я тебѣ слѣдѣлъ зло
тѣмъ, что любилъ тебя?—тоскливо
спрашивалъ онъ. Почему мы не можемъ
быть друзьями, моя родная, хо-
рошая? Ну, что-же, что прошла страсть,
мука, ревность и все то, что дѣлало

На выставке акварелей академика А. Н. Бенда.

Южный берег острова Белиль (Бретань). Картина, приобретенная в музей Академии художествъ.

нась безумными. Я и теперь люблю тебя... Но иначе... Лучше.

Лиза разсмеялась.

— Спасибо. Пойте это всѣмъ женщинамъ, которыхъ вы обманываете... Я обманулась въ васъ, понимаете? Вы обманули мою дѣвичью мечту. Не нужно мнѣ этой вашей кислой любви. Вамъ нечего сказать въ свое оправданіе, и вы придумываете какую то иную любовь. Любить можно только одинъ разъ и навсегда...

Звягинъ замолчалъ. Ему нечего было сказать. Боже мой, неужели такъ всегда?! За всю тоску, нѣжность, за всѣ сожженныя силы, которыя онъ имъ отдавалъ, за всѣ муки неутоленной жажды—онѣ встрѣчаютъ его съ враждебной замкнутостью, и ему холодно, и онъ одинъ. Лиза, вѣдь, я люблю тебя. Лиза, родная, вѣдь, ты понимала и любила меня... Гдѣ ты? Гдѣ... Я одинъ. У меня холодное тоскливо одиночество... Онъ молчалъ и шелъ рядомъ. Лиза ждала, что онъ скажетъ, и смотрѣла на него сбоку.

— Да, сказала она, мы не можемъ быть друзьями, и лучше, если вы меня совсѣмъ оставите въ покоѣ.

Звягинъ остановился. Взялъся руку.

— Ты мнѣ совсѣмъ чужая, Лиза,— сказалъ онъ глухо.— Какъ это странно, и почему это такъ выходитъ? Ты любишь кого-нибудь!

Лиза вскинула на него острый взглядъ.

— Я? Люблю кого-нибудь? Ну, это васъ уже не должно касаться, сказала она, вспыхнувъ. Прощайте, Звягинъ. Мнѣ уже близко. Вамъ, вѣроятно, тоже пора... Прощайте.

Она быстро пожала ему руку и пошла за уголь. Звягинъ остался и крикнулъ вслѣдъ.

— Лиза! Итакъ, больше ничего? На всегда...

— Незачѣмъ встрѣчаться,—бросила она, обернувшись. Желаю вамъ успѣха въ вашихъ похожденіяхъ. Вамъ сегодня, навѣрно, будетъ весело...

И она заторопилась, поднявъ муфту къ лицу и еще разъ невольно обернувшись вслѣдъ уходящему Звягину.

А Звягинъ шелъ подавленный и думалъ о томъ, какъ больно и несправедливо онъ не понять, какая великая любовная тоска живетъ въ его сердцѣ, какъ чисто и свѣтло онъ любить ихъ, этихъ враждебныхъ женщинъ, не знающихъ другой логики, кромѣ логики своего сердца.

И еще думалъ онъ о томъ, что ему сегодня некуда пойти, несмотря на обширный кругъ знакомыхъ. Онъ шелъ одиноко и безцѣльно, и легкій, пушистый, теплый снѣгъ ложился ему на плечи и тихо скрипѣлъ подъ ногами.

Дм. Цензоръ.

ВЪ ПРАЗДНИКЪ.

Посвящается сельской учительницѣ.

Сегодня праздникъ. Въ дымкѣ тучъ Померкъ холодный солнца лучъ, И скupo льется сумракъ блѣдный Сквозь ледяной узоръ окна Подъ темный сводъ каморки бѣдной. Склонившись надъ столомъ, она Сидитъ надъ книжкой молчаливо. Темно. Не видно больше строкъ. Она встаетъ неторопливо И, на плечи большой платокъ Накинувъ, на крыльце выходитъ. Дворовый песъ у дома бродитъ, Бѣжитъ... ласкается у ногъ,

Хвостомъ виляетъ, лижетъ руки, Глядитъ въ глаза и ласки ждетъ...

— Какая тиши... Дневные звуки Смолкаютъ... Смутный гуль идетъ Изъ отдаленного селеня... Какъ будто смѣхъ, какъ будто пѣнье,

Невнятный говоръ голосовъ... И крикъ... И жуткій шумъ лѣсовъ— Застывшихъ вѣтокъ трепетанье, Иль почвы тяжкое дыханье Подъ бѣлой пеленою снѣговъ. Все гуще черный пологъ ночи, Земля безлюднѣй и темнѣй, А въ небѣ звѣздъ нѣмыя очи Зажглись мирьядами огней— И говорятъ душѣ о тайнахъ, О свѣтлыхъ грезахъ юныхъ дней, О встрѣчахъ радостныхъ, случайныхъ...

Богъ вѣсть о чемъ...

Въ нѣмой тиши Нигдѣ ни звука, ни души... Все спитъ въ безмолвіи забвенья Глубокимъ сномъ оѣпенѣнья... Лишь вѣтра прихотливый бѣгъ Въ сугробы вѣтъ сыпучій снѣгъ, Къ крыльцу избушки сиротливой, Чуть видный заметая ходъ.

— Что, песикъ, въ даль глядишь пытливо? Пойдемъ, никто не позоветъ...

А. Боне.

